

«Жизнь государю, честь — никому»: Нравственный выбор Евгения Сергеевича Боткина (к 140-летию со дня рождения)

Ронжин С.Г., Рязанцев А.А., Ронжин И.С.

«The life to the emperor, the honour — to nobody»: The moral choice of the Yeugeniy Sergeyeovich Botkin (to 140th anniversary of the birthday)

Ronzhin S.G., Ryazantsev A.A., Ronzhin I.S.

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

© Ронжин С.Г., Рязанцев А.А., Ронжин И.С.

Двадцать три ступени вниз в подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге — ступени в бездну и небытие, шаги в бессмертие. Нравственный выбор последнего лейб-медика доктора Евгения Сергеевича Боткина — выбор дворянина и офицера, гражданина и патриота, романтика Самодержавной и Православной России. Меняются правители и эпохи, пристрастия и оценки, но неизменным остается восхищение величием человеческого духа русского интеллигента, уязвленного совестью. Честь — никому и никогда, ни при каких обстоятельствах — простая и притягательная формула судьбы доктора Боткина.

Ключевые слова: Е.С. Боткин, лейб-медик, история медицины, военно-полевая терапия.

Twenty three steps down the basement of the Ipatiev house in Ekaterinburg, the steps into the chasm and the darkness, the movement into the immortality. The moral choice of the last emperor's physician, doctor Yeugeniy Sergeyeovich Botkin — it is the choice of the nobleman officer, patriot and the citizen, the choice of autocratic and God-carried Russia romantic. The changes of the governments and epochs as well as of the partialities and the values are possible, but the admiration from the Russian intellectual's soul's force, with his vulnerable conscience is invariable example. The honour — to nobody, never and in spite of any difficulties — the simple and the attractive formula of the doctor's Botkin fate.

Key words: Ye.S. Botkin, emperor's physician, history of medicine, military therapy.

УДК 616 (091)

История, собственно, не существует, существуют лишь биографии.

Р. Эмерсон

Очевидной тенденцией в современной интеллектуальной среде, включая ее молодежную составля-

щую, является поиск нравственных ценностей и ориентиров в рамках этического самоопределения. В контексте этого жизнь и смерть последнего российского лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина является примером альтруистической интеллигентности и духовной направляющей такого поиска.

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая 1865 г. в Царском Селе (ныне г. Пушкин) в семье известного русского врача-терапевта, одного из корифеев отечественной терапевтической школы, основателя ее экспериментального направления Сергея Петровича Боткина. Он был четвертым ребенком Сергея Петровича от первого его брака с Анастасией Александровной Крыловой. Атмосфера в семье, домашнее воспитание, полученное в ней, сыграли большую роль в формировании личности Евгения Сергеевича. А духовная и бы-

товая атмосфера в этой семье была уникальной. Финансовое благополучие рода Боткиных было заложено предпринимательской деятельностью деда Евгения Сергеевича Петра Кононовича Боткина, известного российского поставщика чая. Процент от торгового оборота, предназначенный каждому из наследников, позволял выбирать им дело по душе, заниматься самообразованием и вести жизнь, не очень обремененную финансовыми заботами. Может быть, поэтому в роду Боткиных так много творческих личностей (художников, литераторов и т.п.). Боткины состояли в родстве с Афанасием Фетом, меценатом Павлом Третьяковым. Сам Сергей Петрович Боткин был страстным поклонником музыки, называя занятия музыкой «освежающей ванной».

В семье много музицировали, Сергей Петрович играл на виолончели под аккомпанемент жены и под руководством профессора И.И. Зейферта. Таким образом, в детстве Евгений Сергеевич Боткин получил основательное музыкальное образование и приобрел тонкий музыкальный вкус.

Семья жила интересной насыщенной жизнью. На знаменитые Боткинские субботы собирался столичный бомонд: приходили профессора Военно-медицинской академии, писатели и музыканты, коллекционеры и художники. Среди них — И.М. Сеченов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Бородин, В.В. Стасов, Н.М. Якубович, М.А. Балакирев. Общение с выдающимися людьми, вне всякого сомнения, оказало влияние на становление характера и формирование личности Евгения Сергеевича.

Николай Андреевич Белоголовый, друг и биограф С.П. Боткина, общественный деятель и врач, отмечал: «Окруженный своими 12 детьми в возрасте от 30 лет до годовалового ребенка... он представлялся истинным библейским патриархом; дети его обожали, несмотря на то, что он умел поддерживать в семье большую дисциплину и слепое повиновение себе». Он же напишет о матери Евгения Сергеевича Анастасии Александровне: «Что ее делало лучше всякой красавицы — это тонкое изящество и удивительная тактичность, разлитые во всем ее существо и бывшие следствием той солидной школы благородного воспитания, через которую она прошла. А воспитана она была замечательно многосторонне и основательно: играла на музыкальных инструментах и тонко понимала музыку, имела вкус к произведениям русской, французской и немецкой литературы, в совершенстве владела

несколькими языками. В довершение сего она была очень умна, остроумна, чутка ко всему хорошему и доброму... И матерью она была самую образцовую в том отношении, что, страстно любя своих детей, умела сохранить необходимое педагогическое самообладание, внимательно и умно следила за их воспитанием, вовремя искореняла зарождающиеся в них недостатки».

Уже в детские годы в характере Евгения Сергеевича проявлялись такие качества, как скромность, доброе отношение к окружающим и неприятие насилия. В книге Петра Сергеевича Боткина «Мой брат» есть такие строчки: «С самого нежного возраста его прекрасная и благородная натура была полна совершенства. Он никогда не был похож на других детей. Всегда чуткий, из деликатности, внутренне добрый, с необычайной душой, он испытывал ужас от любой схватки или драки. Мы, другие мальчишки, бывало, дрались с неистовством. Он, по обыкновению своему, не участвовал в наших поединках, но, когда кулачный бой принимал опасный характер, он, рискуя получить травму, останавливал дерущихся. Он был очень прилежен и смышлен в учебе».

Начальное домашнее образование позволило Евгению Сергеевичу в 1878 г. поступить сразу в 5-й класс 2-й Петербургской классической гимназии, где проявились блестящие способности юноши в естественных науках. Поэтому после окончания гимназии в 1882 г. он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета (возможно, реализуя несостоявшуюся мечту отца о математике). Однако пример отца-врача и поклонение медицине оказались сильнее, и в 1883 г., сдав экзамены за первый курс университета, он поступил на младшее отделение открывшегося приготовительного курса Военно-медицинской академии (ВМА).

В год смерти отца (1889) Евгений Сергеевич успешно окончил академию третьим в выпуске, был удостоен звания лекаря с отличием и именной Пальцевской премии, которую присуждали «третьему по старшинству баллов в своем курсе...».

Врачебный путь Е.С. Боткина начался в январе 1890 г. с должности врача-ассистента Мариинской больницы для бедных. В декабре 1890 г. на собственные средства он был командирован за границу для научных целей. Занимался у ведущих европейских ученых, знакомился с устройством берлинских больниц.

По окончании заграничной командировки в мае 1892 г. Евгений Сергеевич приступил к работе врачом придворной капеллы, а с января 1894 г. вернулся к исполнению врачебных обязанностей в Мариинской больнице в качестве сверхштатного ординатора.

Одновременно с клинической практикой Е.С. Боткин занимался научным поиском, основными направлениями которого были вопросы иммунологии, сущности процесса лейкоцитоза, защитных свойств форменных элементов крови. Свою диссертацию на соискание степени доктора медицины «К вопросу о влиянии альбумоз и пептонов на некоторые функции животного организма», посвященную отцу, он блестяще защитил в ВМА 8 мая 1893 г. Официальным оппонентом на защите был И.П. Павлов.

Весной 1895 г. Е.С. Боткин командирован за границу и два года проводит в медицинских учреждениях Хайдельберга и Берлина, где слушает лекции и занимается практикой у ведущих немецких врачей — профессоров Г. Мунка, Б. Френкеля, П. Эрнста и других. Научные труды и отчеты заграничных командировок были опубликованы в «Больничной газете Боткина» и в «Трудах общества русских врачей».

В мае 1897 г. Е.С. Боткин был избран приват-доцентом ВМА. Показательна вступительная лекция, прочитанная студентам ВМА 18 октября 1897 г., характеризующая его отношение к больным. «Раз приобретенное вами доверие больных переходит в искреннюю привязанность к вам, когда они убеждаются в вашем неизменно сердечном к ним отношении. Когда вы входите в палату, вас встречает радостное и приветливое настроение — драгоценное и сильное лекарство, которым вы нередко гораздо больше поможете, чем микстурами и порошками... Только сердце для этого нужно, только искреннее сердечное участие к больному человеку. Так не скупитесь же, причайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно. Так, пойдем с любовью к больному человеку, чтобы вместе учиться, как ему быть полезным».

С началом Русско-японской войны (1904) Евгений Сергеевич убыл в действующую армию добровольцем и был назначен заведующим медицинской частью Российского общества Красного Креста (РОКК) в Маньчжурской армии. Занимая достаточно высокую административную должность, он тем не менее предпочитал большую часть времени проводить на передовых позициях. Очевидцы рассказывали, что однаж-

ды на перевязку был доставлен раненый ротный фельдшер. Сделав все, что положено, Боткин взял сумку фельдшера и пошел на передовую.

Отношение к этой войне и свое предназначение в ней Евгений Сергеевич показал в изданной в 1908 г. книге «Свет и тени Русско-японской войны 1904—1905 гг.: Из писем к жене». Вот некоторые из его наблюдений и мыслей.

«За себя я не боюсь: никогда еще я не ощущал в такой мере силу своей веры. Я был совершенно убежден, что как ни велик риск, которому я подвергался, я не буду убит, если Бог того не пожелает. Я не дразнил судьбу, не стоял у орудий, чтобы не мешать стреляющим, но я сознавал, что я нужен, и это сознание делало мое положение приятным».

«Удручаюсь все более и более ходом нашей войны, и потому больно, что столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие расчеты становятся выше понятий об Отчизне, выше Бога» (Лаоян, 16 мая 1904 г.).

«Сейчас прочел все последние телеграммы о падении Мукдена и об ужасном отступлении нашем к Тельпину. Не могу передать тебе своих ощущений... Отчаяние и безнадежность охватывает душу. Что-то будет у нас в России? Бедная, бедная родина» (Чита, 1 марта 1905 г.).

«За отличие, оказанное в делах против японцев», Евгений Сергеевич был награжден орденами святого Владимира III и II степени с мечами.

Внешне очень спокойный и волевой доктор Е.С. Боткин был человеком сентиментальным, с тонкой душевной организацией. Вновь обратимся к книге П.С. Боткина «Мой брат»: «...я приехал на могилу к отцу и вдруг на пустынном кладбище услышал рыдания. Подойдя ближе, увидел лежащего на снегу брата (Евгения). „Ах, это ты, Петя, вот пришел с папой поговорить“, — и снова рыдания. А через час никому во время приема больных и в голову не могло прийти, что этот спокойный, уверенный в себе и властный человек мог рыдать, как ребенок».

Доктор Боткин 6 мая 1905 г. был назначен почетным лейб-медиком императорской семьи, о чем узнал, находясь еще в действующей армии.

Осенью 1905 г. Евгений Сергеевич возвратился в Петербург и приступил к преподавательской работе в

академии. В 1907 г. он был назначен главным врачом общины святого Георгия в столице.

В 1907 г. после смерти Густава Гирша царская семья осталась без лейб-медика. Кандидатура нового лейб-медика была названа самой императрицей, которая на вопрос, кого бы она хотела видеть лейб-медиком, ответила: «Боткина». Когда ей сказали о том, что сейчас в Петербурге одинаково известны два Боткина, сказала: «Того, что был на войне!» (Хотя и брат Сергей Сергеевич тоже был участником Русско-японской войны.) Таким образом, 13 апреля 1908 г. Евгений Сергеевич Боткин стал лейб-медиком семьи последнего российского императора, повторив карьерный путь отца, бывшего лейб-медиком двух русских царей (Александра II и Александра III). Он еще не знал, что означает для него эта ответственная и почетная должность, кровно связавшая его судьбу с судьбой семьи последнего российского самодержца.

Семью царя Николая II обслуживал большой штат врачей (среди которых были самые разные специалисты: хирурги, окулисты, акушеры, дантисты), врачей, более титулованных, чем скромный приват-доцент ВМА. Но доктора Боткина отличали нечастый талант клинического мышления и еще более редко встречающееся чувство искренней любви к своим больным.

С такой же любовью и преданностью он подходил и к своим августейшим пациентам. В обязанность лейб-медика входило лечение всех членов царской фамилии, что он тщательно и скрупулезно выполнял. Приходилось обследовать и лечить императора, обладавшего удивительно крепким здоровьем, великих княжон, переболевших, казалось, всеми известными детскими инфекциями.

Николай II с большой симпатией и доверием относился к своему доктору. Он терпеливо выдерживал все лечебно-диагностические процедуры, назначаемые доктором Боткиным. Но постоянными и наиболее сложными пациентами, доставлявшими немалое число хлопот и тревог лейб-медику, были императрица Александра Федоровна и наследник престола цесаревич Алексей. Маленькой девочкой будущая императрица перенесла дифтерию, осложнением которой стали приступы ревматизма, с тех пор постоянно беспокоящие ее, вызывая боли и отеки в ногах, сердцебиение, аритмию. Пять беременностей ослабили и без того некрепкий организм.

Мало кто знал, что отеки вынуждали Александру Федоровну носить специальную обувь, отказаться от долгих прогулок, а приступы сердцебиения и головные боли неделями не позволяли ей вставать с постели. Однако главным объектом усилий Евгения Сергеевича был цесаревич Алексей, родившийся с опасным и фатальным заболеванием — гемофилией. Именно с цесаревичем проводил большую часть своего времени Е.С. Боткин, иногда при угрожающих жизни состояниях днями и ночами не отходя от постели больного Алексея, давая ему не только медицинское вспоможение, но и окружая его человеческой заботой и участием, отдавая ему все тепло своего щедрого сердца. Такое отношение находило взаимный отклик со стороны маленького пациента, который напишет своему врачу: «Я Вас люблю всем своим маленьким сердцем».

Сам Евгений Сергеевич также искренне привязался к членам царской семьи, не раз говоря домочадцам: «Своей добротой они сделали меня рабом до конца дней моих».

Правда, отношения с царской семьей не всегда были гладкими и безоблачными, что в основном объясняется принципиальностью самого доктора, который при всей своей преданности не был слепым исполнителем и никогда не шел на компромисс в вопросах личного понимания нравственных основ человеческих отношений. Так, получила от него отказ на просьбу осмотреть на дому Г.Е. Распутина сама императрица. В ответ на просьбу доктор Боткин заявил: «Оказать медицинскую помощь любому — мой долг. Но на дому такого человека не приму». Это вызвало неприязнь Александры Федоровны, которая после одного из страшных кризисов болезни сына осенью 1912 г., когда Е.С. Боткин, профессор С.П. Федоров и почетный лейб-хирург В.Н. Деревенко признали свое бессилие перед болезнью, считая состояние Алексея безнадежным, безоговорочно доверяла Распутину.

Как врач и как нравственный человек, Евгений Сергеевич никогда в частных беседах не касался вопросов здоровья своих высочайших пациентов. Начальник канцелярии Министерства Императорского двора генерал А.А. Мосолов отмечал: «Боткин был известен своей сдержанностью. Никому из свиты не удалось узнать от него, чем больна государыня и какому лечению следуют царица и наследник. Он был, безусловно, преданный их величествам слуга».

При всех перипетиях в отношениях с царственными особами доктор Боткин был влиятельным человеком в царском окружении. Фрейлина, подруга и доверенное лицо императрицы Анна Вырубова (Танеева) утверждала: «Верный Боткин, назначенный самой императрицей, был очень влиятелен».

Сам Евгений Сергеевич был далек от политики, однако, как человек равнодушный, как патриот своей страны, он не мог не видеть пагубности общественных настроений в ней, которые считал основной причиной поражения России в войне 1904—1905 гг. Он очень хорошо понимал, что ненависть к царю, к императорской фамилии, разжигаемая радикальными революционными кругами, выгодна лишь врагам России, той России, которой служили его предки, за которую он сам сражался на полях Русско-японской войны, России, вступавшей в жесточайшую и кровавую мировую схватку.

Он презирал людей, использовавших грязные способы для достижения своих целей, сочинявших куртуазные нелепицы о царской семье и ее нравах. О таких он отзывался следующим образом: «Если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь». И еще: «Я не понимаю, как люди, считающие себя монархистами и говорящие об обожании Его Величества, могут так легко верить всем распространяемым сплетням, могут сами их распространять, возводя всякие небылицы на Императрицу, и не понимают, что, оскорбляя ее, они тем самым оскорбляют ее августейшего супруга, которого якобы обожают».

Не была гладкой и семейная жизнь Евгения Сергеевича. Увлечшись модными революционными идеями и молодым (на 20 лет моложе) студентом Рижского политехнического техникума, в 1910 г. от него уходит жена Ольга Владимировна. На попечении доктора Боткина остаются трое младших детей: Дмитрий, Татьяна и Глеб (старший, Юрий, жил уже отдельно). Но от отчаяния спасали дети, беззаветно любившие и обожавшие отца, всегда ждавшие с нетерпением его прихода, тревожащиеся при его длительном отсутствии. Евгений Сергеевич отвечал им тем же, однако ни разу не воспользовался своим особым положением для создания им каких-то особых условий. Внутренние убеждения не позволили ему замолвить слово за сына Дмитрия, хорунжего лейб-гвардии ка-

зачьего полка, который с началом войны 1914 г. ушел на фронт и героически погиб 3 декабря 1914 г., прикрывая отход разведывательного казачьего дозора. Гибель сына, посмертно награжденного за героизм Георгиевским крестом IV степени, стала до конца дней незаживающей душевной раной отца.

Е.С. Боткин с семьей, Санкт-Петербург, 1906 г.

А вскоре в России произошло событие по масштабам более фатальное и губительное, чем личная драма. В феврале 1917 г. в России было свергнуто самодержавие, рухнули не только государственные институты и устои, деформировалось и само народное сознание, а вместе с этим началась деструкция личности российского гражданина. Рушились базисные нравственные начала личности, и в этом контексте все более значимым и поучительным для потомков становится нравственный пример тех, кто и в пору всеобщего душевного безумия сумел сохранить человечность.

Последняя фотография Е.С. Боткина, март 1917 г.

После февральского переворота императрица с детьми новыми властями были заключены в Александровском дворце Царского Села, чуть позже к ним присоединился бывший самодержец.

Всем из окружения бывших правителей комиссарами Временного правительства было предложено на выбор либо остаться с узниками и, возможно, разделить с ними их участь, которая не представлялась радужной, либо оставить их. И многие, еще вчера клявшиеся в вечной верности императору и его семье, оставили их в это трудное время, многие, но не такие, как лейб-медик Боткин. На самое короткое время он оставит Романовых для того, чтобы оказать помощь больной тифом вдове своего сына Дмитрия, жившей здесь же в Царском Селе, напротив большого Екатерининского дворца, в квартире самого доктора по улице Садовой, 6. Когда же состояние ее перестало внушать опасения, он без просьб и принуждения вернулся к затворникам Александровского дворца. Это при том, что будущность царской семьи была неопределенной и довольно мрачной. Царь и царица были обвинены в государственной измене, и по этому делу шло следствие. Причем достоверно известно, что А.Ф. Керенский настаивал на смертной казни кого-либо из Романовых. Это чистые и интеллигентные либеральные господа стали первыми, кто подтолкнул бывшего царя и его домочадцев к лестнице в подвал далекого уральского дома.

Обвинение бывшего царя и его супруги не нашло подтверждения, однако Временное правительство ощущало страх перед ними и не пошло на их освобождение. По предложению архимандрита Гермогена, четырьмя ключевыми министрами Временного правительства (Г.Е. Львовым, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасовым, А.Ф. Керенским) было принято решение о направлении царской семьи в Тобольск. В ночь с 31 июля на 1 августа 1917 г. семья направилась поездом в Тюмень.

И на этот раз свите предлагалось покинуть семью бывшего императора, и опять нашлись те, кто сделал это. Но немногие сочли долгом разделить участь бывших царствующих особ. Среди них Евгений Сергеевич Боткин. На вопрос царя, как же он оставит детей (Татьяну и Глеба), доктор ответил, что для него нет ничего выше, чем забота об Их Величествах.

3 августа изгнанники прибыли в Тюмень, оттуда 4 августа пароходом отбыли в Тобольск. В Тобольске около двух недель пришлось прожить на пароходе «Русь», затем 13 августа царская семья была размещена в бывшем губернаторском доме, а свита, включая врачей Е.С. Боткина и В.Н. Деревенко, в доме рыбо-торговца Корнилова напротив.

В Тобольске предписывалось соблюдать царско-сельский режим, то есть никого не выпускали за пределы отведенных помещений, кроме доктора Боткина и доктора Деревенко, которым разрешалось оказывать медицинскую помощь населению.

При отправке из Царского Села в Тобольск по распоряжению А.Ф. Керенского доктор Е.С. Боткин был назначен состоять при Их Величествах, а доктор В.Н. Деревенко был назначен врачом отряда особого назначения (конвой и охрана).

В Тобольске в доме купца Корнилова у Боткина было две комнаты, в которых он мог проводить прием больных из местного населения и солдат охраны. Об оказании медицинской помощи жителям Тобольска и солдатам охраны Евгений Сергеевич напишет в своем последнем в жизни письме: «Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного и не только как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги».

14 сентября 1917 г. в Тобольск прибыли дочь Татьяна и сын Глеб, разместившись в комнатах, отведенных их отцу.

В Тобольске, по воспоминаниям дочери, доктор Боткин мог ездить по городу, переписка его не подвергалась цензуре, не было личных досмотров, записаться на прием к нему мог любой.

В апреле 1918 г. в Тобольск прибыл близкий друг Я.М. Свердлов комиссар В. Яковлев, который сразу же объявил врачей также арестованными. Однако вследствие неразберихи ограниченным в свободе передвижений оказался только доктор Боткин.

В ночь с 25 на 26 апреля 1918 г. бывший царь с женой и дочерью Марией, князь Долгоруков, Анна Демидова и доктор Боткин под конвоем отряда особого назначения уже нового состава под руководством Яковлева были направлены в Екатеринбург. Характерный пример: страдая от холода и почечных колик, доктор отдал свою шубу княжне Марии, у которой не

было теплых вещей. После определенных мытарств арестанты добрались до Екатеринбурга. 20 мая сюда прибыли остальные члены царской семьи и кое-кто из свиты. Дети Евгения Сергеевича остались в Тобольске.

Режим содержания в доме особого назначения (особняк инженера Н.К. Ипатьева), где были размещены царская семья и ее преданные слуги, разительно отличался от режима в Тобольске. Но и здесь Е.С. Боткин пользовался доверием солдат охраны, которым он оказывал медицинскую помощь. Через него шло сношение венценосных узников с комендантом дома, которым с 4 июля становится Яков Юровский, и членами Уральского совета. Доктор ходатайствовал о прогулках для узников, о допуске к Алексею его преподавателя С.И. Гиббса и воспитателя Пьера Жильера, всячески старался облегчить режим содержания. Поэтому его имя все чаще встречается в последних дневниковых записях Николая II.

Иоганн Мейер, австрийский солдат, попавший в русский плен в годы Первой мировой войны и перешедший на сторону большевиков в Екатеринбурге, написал воспоминания «Как погибла царская семья». В книге он сообщает о сделанном большевиками предложении доктору Боткину оставить царскую семью и выбрать себе место работы, например, где-нибудь в московской клинике. Таким образом, один из всех заключенных дома особого назначения точно знал о скорой казни. Знал и, имея возможность выбора, предпочел спасению верность присяге, данной когда-то царю. Вот как это описывает И. Мейер: «„Видите ли, я дал царю честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить наследника одного. Как могу я это совместить со своей совестью? Вы все должны это понять“, — сказал врач».

Данный факт созвучен содержанию документа, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Этот документ — последнее, неоконченное письмо Евгения Сергеевича, датированное 9 июля 1918 г.

Многие исследователи считают, что письмо адресовано младшему брату А.С. Боткину. Однако это представляется небесспорным, так как в письме автор часто обращается к «принципам выпуска 1889 г.», к которому Александр Сергеевич никакого отношения

не имел. Вероятнее, оно было адресовано неизвестному другу-сокурснику.

«Мое добровольное заточение здесь настолько временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование».

«В сущности, я умер, умер для своих детей, для друзей, для дела. Я умер, но еще не похоронен или заживо погребен».

«...надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза».

«Меня поддерживает убеждение, что „претерпевший до конца, тот и спасется“, и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года».

«Вообще, если „вера без дел мертва есть“, то „дела“ без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединится и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей».

«Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести ему в жертву своего единственного сына».

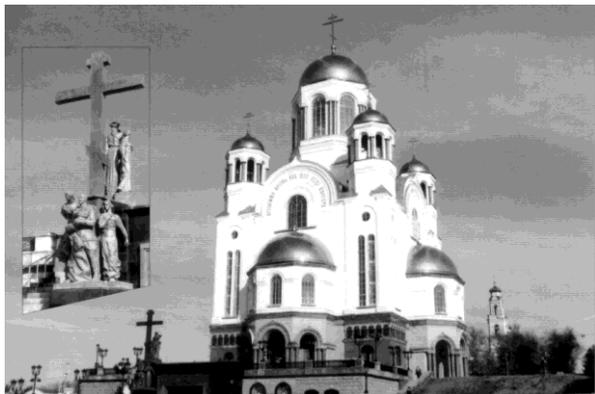
Предупредил ли кого-либо доктор о готовящейся расправе, мы уже никогда не узнаем, но то, что все убитые в доме Н. Ипатьева были к смерти готовы и встретили ее достойно, это отметили даже убийцы в своих воспоминаниях.

В половине второго ночи 17 июля 1918 г. обитателей дома разбудил комендант Юровский и под предлогом перевода в безопасное место отдал команду всем спуститься в подвальное помещение. Здесь он объявил решение Уральского совета о казни царской семьи. Самый высокий из всех и стоявший сзади Николая и рядом с сидевшим на стуле Алексеем доктор Боткин скорее машинально, чем удивленно, сказал: «Значит, нас никуда не повезут». А после этого раздались выстрелы. Забыв распределение ролей, убийцы открыли огонь только по императору. Двумя пулями, пролетевшими мимо царя, доктор Боткин был ранен в живот (одна пуля достигла поясничного отдела позвоночника, другая застряла в мягких тканях тазовой области). Третья пуля повредила оба коленных сустава доктора, шагнувшего в сторону царя и царевича. Он упал. После первых залпов убийцы добивали свои жертвы. По словам Юровского, доктор Боткин был еще жив и спокойно лежал на боку, как будто заснул.

«Выстрелом в голову я прикончил его», — писал позднее Юровский.

Следователь разведки Колчака Н. Соколов, проводивший следствие по делу убийства в доме Ипатьева, среди других вещественных доказательств в яме в окрестностях деревни Коптяки недалеко от Екатеринбурга обнаружил пенсне, принадлежавшее доктору Боткину.

Останки, найденные в окрестностях Екатеринбурга (Ганина яма в урочище Четыре Брата), в 1991 г. были извлечены и перезахоронены только в 1998 г. Однако результаты их генетической экспертизы не признаются бесспорными и никто из потомков с просьбой о ее проведении не обращался. Поэтому говорить о том, что прах Евгения Сергеевича Боткина наконец-то обрел покой, пока не приходится.

Храм во имя Всех Святых Земле Российской просиявших, возведенный на месте особняка Н.К. Ипатьева, где была расстреляна царская семья, г. Екатеринбург

Последний лейб-медик последнего русского императора Евгений Сергеевич Боткин служил медицине и людям на грани поклонения перед ними и отождествления их с культом, получившим простое определение: кодекс чести.

Основные работы доктора Е.С. Боткина

1. *К вопросу о влиянии альбумоз и пептонов на некоторые функции животного организма: Диссертация на соискание степени доктора медицины.* СПб., 1893.
2. *Больные в больнице.* СПб., 1898.

3. *Что значит «баловать» больных?* СПб., 1903.
4. *Свет и тени Русско-японской войны 1904—1905 гг.: Из писем к жене.* СПб., 1908.

Источники и литература

1. Аннинский Л.А., Соловьев В.Н. Охота на венценосца // Родина. 2005. № 1. С. 60—68; № 2. С. 24—32.
2. Боткин С.Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. 1995. № 2. С. 163—170; № 3. С. 153—178.
3. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. СПб.: ВММ МО РФ: Невский проспект, 2003. С. 151.
4. ГАРФ. Ф. 740, оп. 1.
5. Иоффе Г. Неужели добро сделалось мне смертоносным // Русская мысль. 1997. № 4162. С. 16.
6. Кинг Г., Вильсон П. Романовы. Судьба царской династии. М.: Эксмо, 2005. 976 с.
7. Коростелев Н. Славная династия Боткиных // Врач. 2005. № 4. С. 78—80.
8. Крылов А.Н. Россия в образах и лицах: Выбор доктора Боткина // Москва. 1998. № 3. С. 113—132.
9. Крылов А., Лихолитов В. Вернуть отцу сына // Наука и жизнь. 1990. № 10. С. 40—46.
10. Мейер И.П. Как погибла царская семья. М.: Анкор, 1990.
11. Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М.: Анкор, 1993. С. 11—12; 107.
12. Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора: Записки начальника канцелярии Министерства Императорского двора. М.: Анкор. С. 112—113; 226.
13. Нахапетов Б.А. Лейб-медики российских императоров // Вопр. истории. 2000. № 1. С. 102—114.
14. Нахапетов Б.А. В попечении о государевом здравии. М.: ОЛМА Пресс, 2003. 320 с.
15. Нувахов Б.Ш., Крылов-Толстикевич А.Н. Выбор доктора Боткина. М.: Евразия, 2002. 430 с.
16. *Православная энциклопедия.* М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2003. С. 61—62.
17. РГВИА. Ф. 316, оп. 40, д. 2904; Ф. 546, оп. 2, д. 7962.
18. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М.: Анкор, 1990.
19. Соркин Ю.Я. Благодарю вас, господа, но я остаюсь с царем // Мед. газ. 1997. № 29 (11 апр.).

Поступила в редакцию 13.01.2006 г.